

О счастіи.

(Выводъ изъ философскихъ теорій и христіанской морали).

На протяженіи многихъ вѣковъ человѣчество культурное и некультурное привыкло встрѣчать начало каждаго новаго года привѣтствіями: «съ новымъ годомъ! съ новымъ счастьемъ!» И такъ бываетъ изъ года въ годъ. Мы такъ свыклись съ этимъ привѣтствіемъ, что, нисколько не задумываясь, отвѣчаемъ на него или благодарностію, или обратнымъ привѣтствіемъ. Мы нисколько не разбираемся въ этомъ словѣ „счастіе“ и оно вылетаетъ изъ нашихъ устъ, какъ нѣчто обычное, въ родѣ: «здравствуйте» и «до свиданья». Но между тѣмъ понятіе о счастіи настолько отвлеченно, условно и растяжимо, настолько оно сложно, что только путемъ всесторонняго психологическаго анализа духовной природы человѣка можно болѣе или менѣе опредѣленно высказаться о томъ, въ чемъ состоитъ истинное счастіе человѣка и можетъ ли оно быть на землѣ абсолютнымъ. Съ нашей ограниченной общечеловѣческой точки зрѣнія нельзя признавать счастіе достояніемъ только отдѣльныхъ личностей, у которыхъ оно является индивидуальнымъ, но счастіе можетъ быть достояніемъ цѣлаго государства, отдѣльныхъ областей, народовъ и обществъ. Если въ государствѣ въ теченіе цѣлаго года не произошло никакихъ стихійныхъ разрушительныхъ бѣдствій, если въ теченіе года не было никакихъ войнъ ни внутреннихъ, ни вѣшнихъ, если никакая страшная заразительная болѣзнь не проникла въ него и не потребовала себѣ жертвъ, если не постигъ его голодъ, то въ этомъ случаѣ принято говорить, что для государства этотъ годъ былъ счастливымъ. То же самое можно сказать и объ отдѣльныхъ областяхъ, народахъ и обществахъ. Здѣсь уже не приходится выдѣлять счастливыхъ и несчастливыхъ, такъ какъ все они, въ данномъ случаѣ, представляютъ собою части цѣлаго.

Многіе философы христіанскаго періода въ своихъ міровоззрѣніяхъ стремились, путемъ логическаго мышленія, дать опредѣленное понятіе о счастіи, но все эти попытки философской мысли распадалась на два, діаметрально противополо-

ложные взгляда—пессимистическій и оптимистическій и въ общемъ всегда получался и получается такой выводъ, что всякій изъ насъ понимаетъ счастье по своему: то, что одинъ считаетъ для себя счастьемъ, для другого это является несчастьемъ, пли же онъ относится къ этому безразлично, а отсюда, само собою понятно, что при свободѣ воли человѣка, счастье можетъ быть только субъективнымъ, индивидуальнымъ, а слѣдовательно—крайне условнымъ. Искоцая изъ этихъ и другихъ понятій о счастьи, намъ желательно было бы путемъ посильнаго анализа человѣческой жизни и мысли рѣшить вопросъ о томъ, возможно ли счастье на землѣ и въ чемъ оно состоитъ.

Еще англійскій философъ Томасъ Гоббсъ (1588—1679 г.г.), другъ Бэкона, довелъ до крайнихъ предѣловъ сенсуалистическія тенденціи и, проповѣдуя рѣшительный матеріализмъ, онъ перенесъ его и въ свою моральную философію, провозгласивъ свое историческое: „Bellum omnium contra omnes“ (война всѣхъ противъ всѣхъ). Этимъ выраженіемъ онъ охарактеризовалъ людскія отношенія и нарисовалъ самую мрачную картину общественной жизни, въ то же время смѣясь надъ стремленіями людей къ какому-то лучшему будущему. По Гоббсу, человѣкъ — естественный врагъ другихъ людей, въ естественномъ состояніи одинъ человѣкъ для другого волкъ, homo homini lupus est. Гоббсъ первый примѣнилъ къ человѣку великій физическій, животный законъ „борьбы за существованіе“, позднѣе — научно развитый, уясненный и достаточно обоснованный теоріей другого англійскаго философа Дарвина. И нельзя не согласиться съ этой новой научной теоріей и не признать того, что „борьба за существованіе“ есть естественное состояніе всего органическаго міра, слѣдовательно, и — человѣчества. Посмотрите, что дѣлается вокругъ насъ, даже въ нашемъ культурномъ христіанскомъ мірѣ. Возьмемъ для примѣра политическія партіи всѣхъ вѣковъ и народовъ, возьмемъ всѣ званія, сословія и состоянія и мы увидимъ, что всѣ они искали и ищутъ удобствъ, стремились и стремятся къ чему-то лучшему, всѣ они заняты своимъ собственнымъ „я“ и его существованіемъ, они вѣчно борются и борьба эта безконечна. Каждый изъ воюющихъ за собственное существо-

ваніе считаетъ себя какъ бы правымъ, хотя бы ему пришлось перешагивать даже черезъ цѣлыя груды труповъ; оправданіе для себя онъ находитъ въ неизбѣжномъ законѣ природы, который былъ провозглашенъ Дарвиномъ, въ формѣ „борьбы за существованіе“.

Проникая глубже въ это научно-философское сужденіе, мы, христіане, невольно должны исполниться страха и ужаса предъ тѣмъ неизбѣжнымъ сознаниемъ, что ни впереди, ни позади насъ нѣтъ просвѣта: всюду и вездѣ — борьба и война и вся наша культурная прогрессивная работа, ставящая себѣ задачей счастье людей, сходитъ на нѣтъ.

Но такое жалкое наше состояніе нисколько не согласуется съ нашей духовной природой и нашимъ стремленіемъ къ высшему счастью. Здѣсь шла рѣчь о борьбѣ за личное, собственное существованіе, какъ о самой грубой формѣ борьбы въ органическомъ мірѣ, гдѣ всегда берутъ верхъ сильные надъ слабыми. Стремленіе же къ счастью является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ духовной природы человѣка, проникнутой тѣми или другими идеями. Изъ-за извѣстной идеи, изъ-за принципа, изъ-за нравственного идеала люди позднѣе стали жертвовать всѣмъ дорогимъ, завѣтнымъ и то, что ранѣе признавалось за инстинктивное стремленіе человѣка, позднѣе стало выливаться въ форму воли съ сознательную и, кромѣ повседневныхъ заботъ, нуждъ, радостей и огорченій, человѣкъ проникнуть еще какой нибудь и высшей духовной заботой. Кромѣ мелкихъ будничныхъ заботъ, у человѣка должна быть и высшая цѣль, разрѣшающая міровую задачу — смыслъ человѣческой жизни и дѣятельности. Не зная этого, мы должны чувствовать себя какъ бы блуждающими среди ночи по незнакомой дорогѣ. Тогда зачѣмъ вся эта масса усилій, заботъ и думъ? Изъ-за чего намъ биться и напрягать свою мысль и волю? Если только ради одного куска хлѣба, то тогда мы пойдемъ въ разрѣзъ съ ученіемъ Христа, сказавшаго, что „не о хлѣбѣ единомъ бываетъ живъ человѣкъ“. Не говоритъ ли это за то, что вмѣстѣ съ тѣломъ надо накормить и душу? Конечно — да.

Жизнь для насъ — открытое море съ туманной неизвѣстной далью: вездѣ намъ грозятъ мели и подводные камни и

если мы впереди не видимъ свѣтящагося маяка, то мы легко можемъ разбиться о камни или до тѣхъ поръ носиться въ безбрежномъ пространствѣ воды, пока къ намъ не придетъ откуда нибудь случайная помощь или же пока мы совсѣмъ не погибнемъ, затерявшись въ волнахъ. Въ жизни человѣка должна быть цѣль — жизненный маякъ, на блескъ котораго онъ долженъ идти, стремясь найти для себя счастье. Но вотъ въ томъ-то и бѣда, что современный нашъ человѣкъ и вообще человѣкъ въ пониманіи счастья слишкомъ уклоняется въ сторону и ищетъ его тамъ, гдѣ его нѣтъ, или же понимаетъ его въ слишкомъ узкомъ и только матеріальномъ смыслѣ.

Иногда человѣкъ въ погонѣ за счастьемъ совсѣмъ не разбирается съ высшими потребностями своей духовной природы и нерѣдко останавливается на отдѣльных моментахъ своей жизни и эти моменты въ его представленіи являются счастьемъ. Одинъ говоритъ: „я счастливъ сегодня, потому что получилъ съ N. долгъ, который считалъ пропавшимъ“. Какъ, подумаешь, мало нужно для человѣка, чтобы считать себя хотя на одинъ часъ счастливымъ! „Я прошлый годъ былъ счастливъ въ игрѣ на биржѣ“, — говоритъ второй. „Я счастливъ: у меня умныя и прилежныя дѣти“ — говоритъ третій. Четвертый: „счастливъ женой — она боготворитъ меня“. Пятый: — „я счастливъ нынѣ тѣмъ, что съ большимъ барышемъ продалъ хлѣбъ“. Шестой говоритъ: «годъ счастливый — урожай на славу»... и т. д. Всѣхъ примѣровъ намъ не перечислить, но достаточно и этихъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что человѣкъ ищетъ на землѣ счастья только относительнаго, чисто матеріальнаго, чувственнаго, находитъ его и довольствуется имъ. Но счастливъ ли онъ? Конечно, нѣтъ. Въ одномъ онъ счастливъ, а въ остальномъ жизнь грозитъ ему страшными призраками иныхъ нуждъ, лишеній, страховъ, страстей и т. п. Спросимъ счастливца въ биржевой игрѣ: счастливъ ли онъ вполне? И онъ отвѣтитъ намъ, что нѣтъ: у него дѣти своевольны и капризны и онъ замучился съ ними. Счастливца — обладателя умныхъ и прилежныхъ дѣтей мы найдемъ несчастнымъ въ другомъ: онъ мучится неизлечимой болѣзнію; владѣльца милліоновъ мы найдемъ несчастнымъ въ женитбѣ.. И ни одного мы не найдемъ такого, который бы

сознался предъ нами въ томъ, что онъ счастливъ абсолютно. Здѣсь мнѣ припоминается одна легенда, когда-то и гдѣ-то мною читанная или слышанная не помню. Но содержаніе ея приблизительно таково: въ какой-то странѣ тяжело заболѣлъ одинъ принцъ. Для лѣченія его были примѣнены все лучшія того времени средства и приглашены были все лучшіе врачи, но ничто не помогало. Тогда кто-то изъ придворныхъ посоветовалъ найти счастливаго человѣка и, снявши съ него рубашку, одѣть ее на больного принца. Въ поиски счастливаго человѣка были командированы особые послы. Много мѣстъ и странъ исходили они, но счастливаго человѣка нигдѣ не нашли. Уже на обратномъ пути они случайно набрали на одну бѣдную лачугу, въ которой жилъ одинъ бѣднякъ-мужечекъ. Изъ любопытства они остановились у окна и стали наблюдать за тѣмъ, что дѣлается внутри. Бѣднякъ въ это время сидѣлъ за столомъ и доѣдалъ, быть можетъ, послѣднія крохи хлѣба. Наѣвшись, онъ всталъ изъ-за стола, перекрестился и сказалъ: „слава Богу, я доволенъ всемъ; хорошо поработалъ, хорошо и поѣлъ“, — и съ этими словами онъ легъ спать. Послы принца, услыхавъ эти слова бѣдняка, обрадовались и кинулись въ избу. Имъ не трудно было отыскать этого счастливица и они стали просить у него рубашку, предлагая за нее большія деньги. Но каково же было ихъ удивленіе, когда они увидѣли, что счастливецъ этотъ всеѣмъ не имѣлъ рубашки. Они, опечаленные, возвратились домой.

Не только каждый въ отдѣльности человѣкъ, но и все философы въ понятіяхъ своихъ о счастіи всегда расходились и расходятся. Въ одномъ только сходятся философы моралисты — это въ томъ, что стремленіе къ счастію есть удѣлъ всего человѣчества. Вопросъ о счастіи, какъ понятіе, истекающее изъ чисто нравственныхъ побужденій, болѣе всего интересовалъ знаменитаго нѣмецкаго философа Канта (род. въ 1724 г. и ум. въ 1804 г.), для котораго вопросъ о высшей нравственной правдѣ и о томъ, какъ долженъ жить, чувствовать и поступать человѣкъ, чтобы быть истиннымъ человѣкомъ, представлялся самымъ важнымъ и серьезнымъ изъ всехъ существующихъ вопросовъ. Его моральные философ-

скіе взгляды высказаны въ особыхъ трудахъ: «Критика чистаго разума» и «Критика практическаго разума». Все вниманіе Канта останавливается на разумѣ человѣка и на его разумной природѣ.

По Канту, можно быть очень образованнымъ человѣкомъ, много знать, много понимать, о многомъ разсуждать хорошо и въ то же время оставаться далекимъ отъ высшей нравственной правды и отъ служенія высшимъ нравственнымъ интересамъ. „Если бы, говоритъ Кантъ, цѣлью природы было счастье разумнаго существа, тогда разумъ потерялъ бы все свое значеніе, потому что природа дала бы намъ не только цѣль, но и все средства, нужныя для достиженія этой цѣли; она предоставила бы и то и другое инстинкту, который безошибочно и неизбежно привелъ бы насъ къ счастью и человѣкъ невольно, безъ всякихъ соображеній, по одному только инстинкту, стремился бы только туда, гдѣ онъ можетъ найти только свое благополучіе. Зачѣмъ ему было бы тратить силы своей мысли на это? Инстинктъ подсказалъ бы человѣку все, что ему нужно, и разумъ сталъ бы для него совершенно излишнею роскошью; разуму нечего было бы дѣлать, развѣ только радоваться своему благополучію. Очевидно, предъ нами поставлена какая то другая цѣль, для достиженія которой и данъ намъ разумъ. Если бы онъ былъ приспособленъ для достиженія счастья, онъ давно бы привелъ насъ къ нему, на самомъ дѣлѣ мы видимъ не то: человѣкъ, кажется, менѣе всего знаетъ, гдѣ и въ чемъ его счастье и какъ его достигнуть“. Такимъ образомъ, Кантъ категорически отрицаетъ возможность достиженія счастья путемъ разума, у котораго есть иная, болѣе высокая задача.

Счастье, по его словамъ, это не награда за добродѣтель, не результатъ, прямо вытекающій изъ добродѣтели, и уже менѣе всего — цѣль добродѣтели. Если человѣкъ упражняется въ добродѣтели, рассчитывая получить такимъ путемъ счастье, это уже будетъ не добродѣтель, не торжество нравственнаго долга, а практическій расчетъ; тутъ стремленіе не къ добру, а только — къ счастью.

Единственное отношеніе добродѣтели къ счастью — то, что она дѣлаетъ насъ достойными счастья, поэтому и разумъ

говорить намъ: «стремитесь не къ тому, чтобы быть счастливыми, а къ тому, чтобы быть достойными счастья». Далѣе Кантъ дѣлаетъ такой выводъ, что мы должны работать для осуществленія высшаго блага, т. е. для осуществленія совершенной гармоніи между нравственностью и счастьемъ. Мы поэтому должны вѣрить, что такая гармонія возможна; ибо гдѣ нѣтъ возможности, тамъ нѣтъ и обязанности; къ невозможному никто не долженъ стремиться. Вотъ почему мораль, по Канту, приводитъ къ постулату: „высшее благо возможно“. За этимъ постулатомъ слѣдуетъ другой. Настоящая жизнь недостаточна для осуществленія высшаго блага, котораго элементы—святость и счастье; она недостаточна, потому что идеальное исполненіе нравственного закона невозможно въ нашемъ чувственномъ мірѣ, она недостаточна для осуществленія совершеннаго счастья, къ которому мы все-таки должны стремиться, какъ къ слѣдствію святости. Отсюда слѣдуетъ, что сохраненіе нравственнаго существа послѣ смерти является условіемъ высшаго блага. Для высшаго блага, говоритъ Кантъ, необходимо безсмертіе, иначе наша работа надъ своимъ нравственнымъ совершенствованіемъ останется незаконченной. Поэтому разумъ требуетъ загробной жизни, безсмертія души, и тогда только возможно соединеніе во едино добродѣтели со счастьемъ, но при этомъ нашъ разумъ требуетъ и существованія Высшей Силы, которая одна только можетъ соединить ихъ. Сила эта не можетъ быть слѣпой, механической; она должна быть разумной, т. е. Божествомъ. Такимъ образомъ, самъ разумъ необходимо требуетъ высшаго блага, безсмертія души, бытія Бога; онъ не можетъ не требовать этого, иначе онъ будетъ въ непримиримомъ противорѣчій съ самимъ собою. Таковъ былъ философскій методъ Канта при разсужденіи о счастьи, какъ о „вышемъ благѣ“.

Совсѣмъ другихъ взглядовъ по этому вопросу держалась позднѣйшая пессимистическая философія (19 в.), отцомъ которой, безспорно, можно считать Гартмана, который, для защиты своихъ пессимистическихъ умозрѣній, ссылается, какъ на доказательство, на первоначальную испорченность человѣческой природы; добродѣтель и нравственность оказываются только призракомъ, въ дѣйствительности человѣкъ ру-

ководится вездѣ и всегда только обыденными, чувственными, эгоистическими мотивами, а моральныя цѣнности, какъ-то: дружба, семья, родина и т. п. существуютъ только въ воображеніи. Какъ пантеистъ, Гартманъ не вѣрить въ личное безсмертіе души, не вѣрить, слѣдовательно, и въ лучшее будущее человѣка. „Какъ индивидуумъ, говоритъ онъ, сперва въ дѣтствѣ живетъ съ минуты на минуту, потомъ въ юности бредитъ идеалами, затѣмъ въ возрастѣ мужа стремится къ славѣ и позднѣе къ богатству и практическому знанію, наконецъ, въ старости, познавши нищету всяческаго стремленія, склоняетъ на покой свою усталую, жаждущую отдыха голову; точно такъ и человѣчество, подобно всякому престарѣлому и обладающему яснымъ сознаніемъ старцу, будетъ въ концѣ всего имѣть только одно желаніе—желаніе покоя, безмятежности, вѣчнаго сна безъ сновидѣній, въ которомъ оно могло бы утолить свою усталость“. Небытіе міра такимъ образомъ должно быть предпочитаемо бытію и порывъ къ абсолютной безсознательности, къ нирванѣ, къ ничто долженъ быть считаемъ наивысшимъ счастіемъ. Иного счастья искать не приходится, потому что это другое счастье невысказуемо. Слѣдуетъ ли далѣе еще говорить объ уродливости идей пессимизма, когда въ основаніи ихъ лежитъ не нравственная дѣятельность человѣка, а „вождемѣнное уничтоженіе“, когда жизнь человѣка цѣнится ни во что и легко обмѣнивается на небытіе? Такимъ образомъ у гартмановскихъ поклонниковъ нѣтъ мѣста радости, а есть только одно безотрадное чувство пустоты, высшее же счастье, по воззрѣнію пессимизма, заключается въ сладкомъ самоуничтоженіи, „безмятежномъ покоѣ небытія“. Я полагаю, что ничуть не погрѣшу, если сошлюсь въ данномъ случаѣ на то, что современная молодежь, эпидемически охваченная жаромъ убійствъ и самоубійствъ, какъ нельзя ближе отвѣчаетъ пессимистическимъ философскимъ взглядамъ Гартмана. Не проходитъ ни одного дня, чтобы столбцы газетъ не были испещрены краткими хроникерскими замѣтками въ родѣ того, что „тамъ-то покончилъ съ собой такой-то, въ смерти своей просить никого не винить, благословляетъ жену и дѣтей“; въ другомъ мѣстѣ застрѣлился офицеръ, причина—матеріальная нужда; въ третьемъ

мѣстѣ отравился техникъ, причина — тяжело жить; гдѣ то отравилась курсистка, въ запискѣ ея значится, что она не нашла цѣли въ жизни и т. д. и т. д. И такъ изо дня въ день. За послѣднее время самоубійства настолько участились, что, читая объ нихъ въ газетахъ, уже не ужасаешься, какъ прежде, а смотришь на нихъ съ турымъ равнодушіемъ, какъ на явленіе обычное, нормальное. И вся эта эпидемія самоубійствъ въ концѣ концовъ завершилась еще существованіемъ какого то особаго кошмарнаго „клуба самоубійць“. Это уже верхъ безумія. Это какая то сплошная буря, пропитанная гартмановскими пессимистическими идеями, легко захватывающая молодые неокрѣпшіе умы и поглощающая въ нихъ проблески всего свѣтлаго и чистаго.

А еще хуже: не такъ давно въ Саратовѣ обнаружена страшная секта «душителей». Каждый членъ этой секты, желающій спасти свою душу, не долженъ жить болѣе 60-ти лѣтъ. Въ этомъ возрастѣ, при особой церемоніи, его душатъ. Послѣдній случай хотя по внѣшности своей и близко подходитъ къ возрѣніямъ пессимистовъ, но мы оставимъ его въ сторонѣ, какъ продуктъ невѣжественнаго класса съ загадочно-уродливыми понятіями о жизни.

Человѣкъ съ возвышенными идеями, стремящійся къ безконечному, всегда внимательно прислушивающійся къ голосу своей совѣсти, никогда не остановится своею мыслию на пессимистическихъ взглядахъ о счастіи: это счастіе никогда не можетъ его удовлетворить. Это не счастіе, а — злосчастіе, съ корнемъ убивающее въ человѣкѣ всѣ его святыя и благородныя чувства и желанія.

Совсѣмъ противоположное понятіе о счастіи даетъ намъ другая философія — оптимизмъ. Наиболѣе лучшимъ выразителемъ оптимистическихъ идей является Лейбницъ (род. 1646 г., а ум. 1716 г.). Обладая поистинѣ универсальнымъ умомъ, Лейбницъ даетъ намъ „новый опытъ о человѣческомъ разумѣ“. „Разумъ, говоритъ онъ, есть зеркало вселенной“, въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ разумъ „душою свободы“.

Давши понятіе о Богѣ, какъ существѣ всесовершеннѣйшемъ и дѣйствующемъ совершеннѣйшимъ образомъ, Лейбницъ

приходить къ тому выводу, что существующій міръ, какъ вызванный къ бытію Божественною волею, есть наилучшій.

По теоріи Лейбница, въ этомъ наилучшемъ изъ міровъ должно неизбѣжно существовать и зло, безъ котораго мы не можемъ отличить добро и дать ему правильную оцѣнку. „Зло, говоритъ Лейбницъ, существуетъ въ мірѣ, потому что въ мірѣ есть несовершенное, а несовершенное то же, что ограниченное. Если же сущность зла заключается въ ограниченности, то ясно, что оно не есть что нибудь положительно существующее, а есть только недостатокъ; слѣдовательно, не противорѣчіе добру, а только отсутствіе добра. Если, далѣе, сущность зла лежитъ въ ограниченности отдѣльныхъ существъ, то, очевидно, что зло можетъ быть присуще только отдѣльнымъ существамъ и не можетъ существовать во всемъ порядкѣ міра, въ цѣломъ. Если такъ, то, значить, оно относится къ добру, какъ безконечно малое къ безконечно великому; зло, слѣдовательно, совершенно исчезаетъ въ добрѣ. Наконецъ, оно есть средство къ добру“.

Добро, по Лейбницу, состоитъ въ совершеннѣйшемъ порядкѣ міра, а этотъ порядокъ есть гармонія, гармоніи же мѣсто можетъ быть только тамъ, гдѣ есть различіе между отдѣльными существами, а различіе, въ свою очередь, состоитъ въ томъ, что одни существа болѣе совершенны, а другія — менѣе. Такимъ образомъ зло, по теоріи Лейбница, является въ мірѣ какъ бы необходимымъ звеномъ въ сочетаніи общей міровой гармоніи. Что касается идеала нравственности, то таковой Лейбницу не удалось показать, хотя онъ и имѣлъ попытки обосновать его подъ именемъ моральнаго царства. Воля, какъ онъ ее понимаетъ, совсѣмъ не представляется независимой отъ всякой посторонней цѣли, она не отдается настоящимъ образомъ добру, она желаетъ, но не любитъ. „Любить, говоритъ Лейбницъ, значить радоваться счастію другого“; но общая мораль Лейбница не возвышается надъ прямымъ стремленіемъ къ личному счастію. Въ общемъ весьма трудно понять, чѣмъ его «царство милости» отличается отъ царства природы. Въ сущности говоря, оптимизмъ Лейбница можно назвать безнравственнымъ, потому что зло, борьбу за жизнь, страданіе и преступленіе онъ возводитъ къ Божеству.

Нравственное зло въ мірѣ Лейбницъ представляетъ необходимымъ для самаго существованія Бога, а самъ Богъ представляется ничѣмъ инымъ, какъ просто природой, познаваемой въ ея первобытномъ единствѣ, изъ котораго исходятъ всѣ первичныя формы явленій. „Если человекъ золъ и по-этому несчастливъ, то это такъ и должно быть. Богъ производитъ наши заблужденія, преступленія и несчастія“. Изъ этого ученія Лейбница получается такой выводъ, что принципъ зла, не входя въ волю Бога, но будучи необходимымъ въ Его разумѣ, въ концѣ концовъ, сливается съ самымъ бытіемъ Бога. И дѣйствительно, Лейбницъ говоритъ далѣе, что «грѣхъ существуетъ не потому, что Богъ этого хочетъ, а потому, что Богъ существуетъ». Исходя изъ этой философской логически построенной теоріи Лейбница, мы рѣшеніе вопроса о счастіи можемъ представлять себѣ въ такомъ видѣ: если все въ мірѣ прекрасно и гармонично, если и самое зло существуетъ только для міровой гармоніи, то поэтому всякій жаждущій счастія можетъ найти для себя полное удовлетвореніе въ этомъ же мірѣ.

Совершенно противоположныхъ взглядовъ въ рѣшеніи вопроса о счастіи держался другой философъ Спиноза. Ученіе Спинозы представляетъ, пожалуй, наиболѣе совершенную форму интеллектуальной и рационалистической философіи, которая считаетъ чистый разумъ сущностью всего. Богъ, по ученію Спинозы, есть принципъ мудрости и свободы и Онъ не далекъ отъ насъ, Онъ заключается въ насъ самихъ, или, лучше сказать, мы заключаемся въ Немъ. „Понимать, значить, обладать счастіемъ,—понимать, значить, восходить къ началу началъ, т. е. къ Богу. Высшая добродѣтель души — познаніе Бога“. «Любовь къ Богу, говоритъ Спиноза, не можетъ быть запятнана какимъ нибудь чувствомъ зависти или ревности, она поддерживается въ насъ съ тѣмъ большей силой, чѣмъ большее количество людей мы представляемъ себѣ соединенными съ Богомъ тѣми же узами любви, какъ и мы сами». Отсюда получается точный выводъ, что только при посредствѣ этой любви, мы можемъ возвыситься надъ временемъ и наслаждаться вѣчной жизнью. „Нѣтъ другой вѣчной

любви, кромѣ любви интеллектуальной“, говоритъ Спиноза, — чѣмъ больше мы любимъ Бога, т. е. чѣмъ больше познаемъ Его, тѣмъ больше мы живемъ блаженной и вѣчной жизнью“. Этотъ морально — философскій взглядъ Спинозы относительно того, въ чемъ должно состоять истинное счастье человѣка, наиболѣе другихъ соответствуетъ взглядамъ христіанскихъ философовъ, мораль которыхъ отдаетъ преимущество кротости и любви.

Ограничимся пока только приведенными воззрѣніями указанныхъ популярныхъ философовъ по вопросу: «въ чемъ состоитъ истинное счастье человѣка и возможно ли оно?». Но при всемъ нашемъ сердечномъ желаніи, философія по этому вопросу слишкомъ мало насъ удовлетворяетъ: ни одинъ методъ, ни одна философская теорія не дали намъ, по интересующему нашъ умъ вопросу, субстанціального или положительнаго отвѣта. Всѣ воззрѣнія философовъ въ понятіи о счастіи, какъ явно противорѣчивыя, рѣзко расходятся между собою и такимъ образомъ нашъ пытливый умъ въ рѣшеніи очень важной міровой задачи остается безъ отвѣта.

Не дала отвѣта философія, не даетъ намъ на это отвѣта ни средневѣковая, ни новая литература. Въ настоящій культурный вѣкъ, когда именно вопросъ о счастіи человѣка сталъ волновать наибольшее количество умовъ, появилась цѣлая плеяда самыхъ модныхъ писателей-декалентовъ. Въ они, начиная отъ прославленнаго М. Горькаго и кончая безбожнымъ Л. Андреевымъ, повидимому, не менѣе другихъ и во всякомъ случаѣ не менѣе насъ заинтересованы и озабочены судьбою человѣчества и его счастіемъ. Они, въ порывѣ своего вдохновенія и творчества, съ самаго дна взбудоражили всю грязь, подняли на ноги всѣ подонки общественной жизни, вложили въ уста ихъ философскія мысли (герои Горькаго являются всегда философствующими) и, указывая на нихъ пальцемъ, они какъ бы такъ говорятъ: „посмотрите, какіе есть несчастные люди!“ Но указывая на несчастье «бывшихъ людей», печальники нашего человѣчества не указали намъ средствъ для пересозданія ихъ героевъ, а равно ничуть не познакомили насъ съ своими геніальными взглядами на то, въ чемъ должно состоять истинное счастье человѣка. Не зна-

читать ли это то, что въ современной литературѣ всюду сквозитъ только одинъ матеріализмъ и что она болѣе всего заинтересована вопросами социальными и политическими, а духовно-моральная сторона человѣчества остается забытой? Если это такъ, то отъ современной свѣтской литературы намъ не приходится и ждать отвѣта на вопросъ: «въ чемъ состоитъ истинное счастье и возможно ли оно на землѣ?» Это такъ просто и понятно, потому что новѣйшая наша русская литература уже давнымъ давно утратила свой нравственный идеальный обликъ, который когда-то господствовалъ у нашихъ гениальныхъ поэтовъ и писателей: Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Достоевскаго, Гончарова, Никитина, Вѣлинскаго и въ первыхъ произведеніяхъ графа Л. Толстого; за послѣднее время она настолько измельчала и опошлалась, что вмѣсто идеи о счастіи человѣчества, она возвѣщаетъ намъ идею злосчастія.

Не получивъ удовлетворительнаго отвѣта на поставленный нами вопросъ ни отъ философіи, ни отъ современной литературы и не имѣя надежды на полученіе его и изъ другихъ источниковъ, мы обратимся за разрѣшеніемъ этого вопроса къ христіанству, которое съ своимъ ярко очерченнымъ идеаломъ сумѣло явиться высшимъ синтезомъ, примиряющимъ двѣ противоположности, т. е. истинный разумный оптимизмъ, какъ цѣль, представляющуюся въ будущемъ, съ истиннымъ разумнымъ пессимизмомъ, какъ вопросомъ настоящей жизни. Я уже сказалъ выше, что христіанскіе философы въ своихъ моральныхъ взглядахъ отдають преимущество кротости и любви. Христіанское милосердіе заключаетъ въ себѣ два нераздѣльныхъ понятія любви: любовь къ Богу надъ всеѣмъ остальнымъ и любовь ко всеѣмъ людямъ ради Бога.

Любить Бога — это уже значитъ до нѣкоторой степени обладать Имъ и быть Имъ любимымъ, и добродѣтель, по ученію христіанскихъ философовъ-моралистовъ, есть только начало счастія, которое не достигается и не можетъ быть достигнуто въ этой жизни, а завершается, какъ высшее благо, въ будущей жизни. Основной идеей христіанской метафизики является понятіе о милосердіи и оно сдѣлалось существеннымъ и преобладающимъ элементомъ христіанской морали.

Не слѣдуетъ забывать, что въ христіанствѣ любовь къ людямъ нераздѣльна съ любовью къ Богу, и въ этой общей любви люди дѣлаются братьями. Отсюда получается христіанское братство. То же слѣдуетъ сказать и о равенствѣ, какъ его понимаетъ наша христіанская мораль. Это прежде всего равенство религиозное. Членовъ много, но всѣ составляютъ одно тѣло — Церковь. „Нѣтъ ни язычника, ни еврея, ни обрѣзаннаго, ни необрѣзаннаго, ни скифа, ни раба, ни свободнаго, но Іисусъ Христосъ во всѣхъ“. Это равенство обуславливается тѣмъ, что всѣ люди созданы, чтобы любить Бога и быть Имъ любимыми. Но при этомъ не слѣдуетъ смѣшивать этого религиознаго равенства съ равенствомъ гражданскимъ и политическимъ, это не равенство въ правѣ, а равенство въ обязанностяхъ, равенство въ стремленіи къ высшему благу, къ уразумѣнію и познанію истиннаго Бога, духовное соединеніе съ Которымъ намъ указываетъ христіанской моралью, какъ конечная цѣль жизни, какъ высшее счастье, достиженіе котораго для человѣка, слѣдующаго идеѣ любви, не можетъ быть трудно. „Иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть“, сказалъ Самъ Іисусъ Христосъ и этимъ Онъ рѣшилъ разомъ недоумѣніе своихъ послѣдователей о томъ — возможно ли достигнуть высшаго усовершенствованія, высшаго блаженства, высшаго счастья. Оказывается, что воишь возможно. Человѣкъ отъ природы своей награжденъ свободной волей, и отъ него самого уже зависитъ разбираться въ своихъ идеалахъ, въ своихъ стремленіяхъ направо или налѣво; итти по широкому пути, ведущему къ погибели или — по узкому, ведущему къ царству славы, къ единенію съ Богомъ. Но надо помнить, что въ этомъ мірѣ, полномъ заботъ, огорченій, лишеній и страданій, для человѣка невозможно достиженіе абсолютнаго счастья, но онъ, во имя любви къ Богу и людямъ, не долженъ падать духомъ, не долженъ сомнѣваться въ достиженіи конечной цѣли, не долженъ считать себя безсильнымъ подъ гнетомъ временныхъ несчастій, а долженъ безостановочно стремиться и итти къ высшей цѣли, нравственно усовершенствуя себя и тѣмъ предвкушая въ будущемъ высочайшее счастье-единеніе съ Богомъ. Въ этомъ насъ убѣждаетъ и Самъ Провозвѣстникъ мира, любви, братства и

высшаго духовнаго счастья Сынъ Божій: „Блаженны нищіе духомъ, ибо ихъ есть царство небесное. Блаженны плачущіе, ибо они утѣшатся. Блаженны изгнанные за правду, ибо ихъ есть царство небесное... Радуйтесь и веселитесь, ибо велика награда на небесахъ“... «Прійдите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я упокою васъ»... Къ кому, какъ не къ обездоленнымъ и не къ страдальцамъ въ сей временной жизни былъ обращенъ кроткій ласкающій взоръ Іисуса Христа? Къ кому, какъ не къ нимъ прозвучали эти Его святыя слова? Можетъ ли послѣ всего этого истинный послѣдователь Его еще сомнѣваться въ возможности достиженія истиннаго духовнаго счастья? Конечно, человѣкъ самъ не можетъ создать счастья и въ готовомъ видѣ оно не имѣется, а онъ долженъ искать его тамъ, гдѣ указываетъ намъ его драгоценная, золотая книга—Евангеліе, чрезъ которое, отъ начала до конца, золотыми, окруженными солнечнымъ сіяніемъ, буквами, проходитъ основная идея христіанства—любовь, а отъ нея являются, какъ вѣтви—милосердіе, всепрощеніе, незлобіе, миролюбіе, кротость и проч., а изъ этихъ послѣднихъ, какъ изъ цвѣтовъ, сплетается вѣнокъ—духовное счастье. Самъ Онъ, принесшій миръ на землю, въ самомъ Себѣ показалъ всеобъемлющую любовь, отдавши себя, за любовь къ людямъ, на поруганіе, тяжкія страданія и позорную смерть. И даже въ минуты ужасныхъ Своихъ страданій Онъ устремилъ Свой кроткій взоръ на распинателей и сказалъ: „Отче, прости имъ, не вѣдаютъ бо, что творять“. Этотъ примѣръ данъ Богомъ въ Самомъ Себѣ для того, чтобы человѣкъ въ приобрѣтеніи нравственнаго усовершенствованія, а за нимъ—высшаго духовнаго счастья, не сворачивалъ съ тернистаго пути и не впадалъ въ маловѣріе. Слѣдуя этому христіанскому принципу, человѣкъ также долженъ помнить, что христіанская мораль требуетъ отъ него не только относительнаго совершенства, но также, какъ и стоицизмъ, совершенства абсолютнаго и божественнаго: „будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный совершенъ есть“.

Нужно ли теперь говорить далѣе о томъ, что требуется для высшаго нравственнаго совершенства или достиженія

высшаго Евангельскаго идеала? Я думаю, что нѣтъ. Это было бы равно тому, если бы я сталъ отъ начала до конца повторять все великіе завѣты Христа, изложенные въ Евангеліи. Для насъ христіанъ важенъ былъ вопросъ: «возможно ли истинное счастье и въ чемъ оно состоитъ?» И мы на это нашли ясный и опредѣленный отвѣтъ въ своей богооткровенной религіи, а главнымъ образомъ — въ Евангеліи. Тамъ, гдѣ въ рѣшеніи міровыхъ нравственныхъ задачъ, все науки, все прикладныя знанія являются немоцными, мы, христіане, находимъ отвѣтъ въ этой книгѣ, «въ которой все сказано, все рѣшено, послѣ которой ни въ чемъ нѣтъ сомнѣнія. Весь прогрессъ человѣчества, все успѣхи въ истинной наукѣ заключаются въ таинственномъ проникновеніи въ глубину этой божественной книги, въ познаніи ея живыхъ, непреходящихъ глаголовъ. Эта книга — Евангеліе». И это сказалъ нашъ русскій писатель-критикъ В. Г. Бѣлинскій.

Хотя въ этомъ мірѣ мы и не находимъ истиннаго, абсолютнаго счастья, но все же мы должны стремиться къ достиженію его, если не во всей его полнотѣ, то въ относительной, пусть даже это счастье выразится только въ нашемъ внутреннемъ духовно-религіозномъ довольствѣ, вѣдь не даромъ же сказалъ Спаситель: «Царствіе Божіе внутри васъ есть». Въ такой, именно, формѣ изображаетъ и Апостолъ Павелъ свое счастливое состояніе въ посланіи къ Филиппійцамъ: „я научился быть довольнымъ тѣмъ, что у меня есть, умѣю жить и въ скудости, умѣю жить и въ изобиліи, научился всему и во всемъ: быть въ сытости и терпѣть голодъ, быть и въ обиліи и въ недостаткѣ. Все могу о укрѣпляющемъ меня Исусѣ Христѣ (4, 11—13).

Но если христіане всегда будутъ признавать себя за единую братскую семью и будутъ проникнуты святой идеей братства, любви и мира, то они никогда не останутся на пути своего дальнѣйшаго развитія, они пойдутъ дальше и дальше до тѣхъ поръ, пока идея всеобщаго мира не будетъ казаться для нихъ настолько проблематичной, насколько она кажется теперь. Если уже и нынѣ среди культурныхъ народовъ предпринимаются попытки къ возсозданію всеобщаго мира, то нѣтъ ничего удивительнаго, что человѣчество, прои-

дя чрезъ всѣ грани историческихъ и міровыхъ переворотовъ, придетъ къ тому неизбѣжному сознанию, что миръ необходимъ, а гдѣ миръ, тамъ и братство, гдѣ братство, тамъ и любовь, а гдѣ любовь, тамъ и Богъ, а гдѣ Богъ, тамъ и счастье. Поэтому мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что настанетъ на землѣ такой моментъ, когда нашъ тезисъ объ отсутствіи абсолютнаго счастья въ семь мірѣ замѣнится противоположнымъ. Если мы вѣримъ, что Церковь Христова, какъ провозвѣстница мира и любви, вѣчна и врата адовы не одолѣють ея, то мы должны вѣрить, что рано или поздно наступитъ на землѣ то благодатное царство, когда „будутъ всѣ едино“, (Іоан. 17, 21) когда будетъ „едино стадо и единый пастырь“ (Іоан. 10, 16), когда всѣ будутъ объяты одной общей любовью къ Богу и человечеству.

Но не химера ли этотъ идеалъ мира? „Нѣтъ, отвѣчаетъ Кантъ, потому что она обязательна“. Онъ будетъ современнымъ все болѣе и болѣе осуществляться не только въ силу неуклоннаго развитія интересовъ человечества. Экономическіе интересы въ концѣ концовъ сдѣлаютъ войну невозможной. „Такимъ образомъ, говоритъ Кантъ, природа гарантируетъ вѣчный миръ механизмомъ страстей человеческихъ“.

Хотя послѣдній философскій взглядъ Канта на средства достиженія всеобщаго мира и не соответствуетъ нашимъ христіанскимъ взглядамъ, но онъ важенъ тѣмъ, что и великіе мыслители не чужды были вѣры во всеобщее братство.

„Будемъ же, скажу я словами своего незабвеннаго (нынѣ покойнаго) учителя Алексѣя Константиновича Недосѣкова (преподават. психологіи и философіи Тоб. дух. семинаріи), послѣ этого вполне увѣрены въ надеждѣ выполненія въ будущемъ идеи всеобщаго братства и заключающагося въ немъ истиннаго людскаго счастья, Новогоднія же пожеланія „новаго счастья“ пусть всякій разъ напоминаютъ намъ — привѣтствующимъ и привѣтствуемымъ о необходимости съ каждымъ новымъ годомъ все болѣе и болѣе приближаться къ моменту осуществленія *возможно* здѣсь братскаго единства и истиннаго счастья“.

Священникъ с. Новоселья *І. Голошубинъ*.